

ОГПУ ПРОТИВ «ЦЕНТРА ТЕРРОРА»

ЧЕКИСТЫ

ВОЛКИ СТАЛИНА

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ОМЫТЫЕ КРОВЬЮ

Чекисты. Волки Сталина

Сергей Зверев

Омытые кровью

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Омытые кровью / С. И. Зверев — «Эксмо», 2022 — (Чекисты. Волки Сталина)

ISBN 978-5-04-171813-8

В июне 1928 года Александр Большаков, молодой уполномоченный ОГПУ, получил назначение в провинциальный шахтерский городок. Едва он зашел в отделение по борьбе с бандитизмом, как ему выдали «наган» и порекомендовали взять еще и ружье. Оказывается, сводный отряд милиции, уголовного розыска и конвойной стражи выезжал в глухой хутор на ликвидацию особо опасной банды атамана Шустова. На подходе к хутору отряд нарвался на засаду. Но это еще были цветочки. Вскоре к околице села Средние Гати лошадь притащила привязанный изувеченный труп. Это был внедренный с огромным трудом в банду Шустова секретный сотрудник Леша Глотов. И тогда Большаков понял, что отряду придется еще не раз умыться кровью, прежде чем им удастся схватить матерого бандита за горло...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171813-8

© Зверев С. И., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Иванович Зверев

Омытые кровью

© Зверев С.И., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Ну вот и они. Деловито так, по-хозяйски вышли толпой на прогалину перед заимкой, топчя тяжелыми сапогами траву-мураву. Уверенные в своей силе и моей слабости.

Один с обрезом, другой с револьвером наперевес. А третий аж с топориком. По виду – каноническая лесная банда. Хоть в синематографе снимай. И такие они чистенькие, аккуратненькие, форсистые, что непозволительно для подобных лесных чудищ.

– Э, красноперый, – поправив сползшую на нос кепку, заорал один из лиходеев в потертой черной кожаной куртке и штанах-галифе – и не жарко ему. – Не кипишуй! Поговорить надо!

Тут я ему верил. Убивать меня они не собирались. Во всяком случае, сразу. Им на самом деле нужен был разговор. Возможно, с пристрастием. Убивать же будут потом. Предварительно развязав мне, «красноперому», язык.

Я нарочито неторопливо спустился по скрипучим ступенькам – было их всего две. И теперь внимательно смотрел на приближающихся бандитов. Однако не мог узреть среди них главного – атамана Шустова.

Эх, сердце. Что ж ты так барабанишь отчаянно, будто решило вырваться из груди и расстаться со своим беспокойным и рискованым хозяином? Это к хорошей драке. Есть такая старая народная примета – чем сильнее сердце барабанит, тем славнее бой.

– Ручки-то подними, – взмахнул «наганом» «кожаный», похоже, бывший в этой артели за старшего.

Не нравились ему мои ручки. Особенно то, что они за спиной. И поделом не нравились.

Поднимать я руки вверх, конечно, не стал, а просто резко махнул правой. И в сторону бандитов полетела только что принятая на вооружение РККА граната «Ф-1» с запалом Ковешникова. Получите и распишитесь!

А сам бросился обратно в бревенчатый, вросший в землю, мшистый сруб. Упал на пол. Оборонительная граната – вещь страшная. Сечет все вокруг, как коса, радиус разлета под двести метров. Самому бы не попасть под осколки.

Грохнуло. По бревнам забарабанили осколки. Снаружи слышались крики боли и отборные, даже мастерские, матюги.

Да, ребята. Это вам я нужен живым. А вы мне не особенно.

Потом загрохотали выстрелы. Завертелся бой. И осталось у меня на этом распутье две дороги – победить или героически пасть. В плен я сдаваться не собирался ни при каком раскладе...

Но обо всем по порядку. Эта история началась в июне 1928 года в чрезмерно комфортабельном купе мягкого вагона, когда, как писал великий русский поэт и мой тезка в плане имени-отчества Александр Сергеевич Пушкин, я приближался к месту моего назначения...

Глава 2

– И что, Париж так великолепен, как описывают классики? – с интересом спрашивал я.

– Бульвары. Мулен Руж. Синематограф братьев Люмьер. Дамы в бриллиантах и изумрудных колье. Шикарные магазины... Нет ничего этого. – Мой собеседник отхлебнул чая из стакана, втиснутого в массивный подстаканник с надписью «Пейте на здоровье» – такие уже несколько лет производятся специально для железной дороги.

– А куда все делось? – удивился я, откидываясь на плюшевую спинку в купе стучащего колесами на жестких стыках мягкого вагона.

Мой попутчик загадочно улыбнулся. Отставил чай и потянулся за массивным серебряным портсигаром, тяжелым, с вензелями. Вообще, у этого человека все было по высшему разряду – дорогой костюм, тяжелая трость, галстук. И сам статный, худощавый, с тонкими чертами лица и тронутыми сединой волосами, уже в почтенном возрасте – лет за сорок. Глаза его были насмешливые и внимательные. Да, сразу видно, что передо мной не простой воробей, а птица высокого полета. При этом он сразу вызывал симпатию.

– Всего этого нет для людей, не имеющих состояния и не принадлежащих к высшему сословию. – Он вытащил сигарету из портсигара, помял ее и засунул обратно. – Для большинства жителей Париж – это не искрометный Монмартр с его кабаре и художниками, а тяжелая работа на буржуйского дядю без какого-либо шанса выбраться из заколдованного круга безысходности. Понимаете, Александр, у нас как-то затерлись эти штампы – буржуй на мешке золота и истощенный рабочий. Воспринимаем это с долей иронии. Но я как человек, объехавший всю Европу, утверждаю – а ведь так и есть. Трудящийся человек что в Париже, что в Бомбее – это раб капитала. Он безнадежно и тяжело трудится на паразита, который всю жизнь будет высасывать его соки.

– Поэтому буржуазный мир и обречен, – кивнул я.

– О, он еще поборется. Мировая революция, уверяю вас, дело не скорое. Тем более буржуй сейчас начинает заискивать с трудящимися, бросая им кости с барского стола.

– Не поможет.

– А вот это вопрос, – протянул собеседник. – Нельзя недооценивать паразитов. И привлекательности их образа жизни.

С попутчиком мне повезло. Это был просто кладезь всякой любопытной информации. И я как репей прилепился к нему с расспросами, порой назойливыми. Он в этот миг будто стал проводником в какие-то иные миры. За свою долгую жизнь этот человек побывал во многих городах и странах, в основном до революции. А меня волшебный аромат дальних стран пьянил всегда. Казалось, там, за горизонтом, настоящая сказка. Это иллюзия, конечно, там такие же люди, и у них свои проблемы. Но все равно поделаться я с собой ничего не мог – пьянило меня очарование дальних дорог, новых знаний, иных реалий. Поэтому слушал я его разинув рот.

– Коньячку? – спросил попутчик, вытаскивая из объемистого саквояжа, предназначенного для дальних путешествий, серебряную фляжку с тонким узором и два серебряных наперстка.

– Не пью, – развел я руками. – Мы больше по атлетике. А она со спиртным плохо сочетается.

– А я сделаю глоток. – Он глотнул прямо из фляжки и убрал ее в саквояж. – Коньяк не просто алкогольный напиток. Сегодня он символ того, что ты что-то значишь.

Попутчик был горным инженером, звали его Сигизмунд Яковлевич. И направлялся он с предписанием от «Союзугля» в шахтоуправление Углеградска, где его ждала важная должность. Хороший инженер – это птица редкая и дорогая в плане пропитания. Стране нужны хорошие специалисты. И страна не жалела средств на их зарплату и обустройство. Поэтому он

имел полное право на трость с серебряным набалдашником, тяжелый портсигар и костюм от лучших портных.

В общем, была при общении с моим спутником доля даже зависти и восхищения с моей стороны. Умеют же люди жить. Умен, образован. Красивые и дорогие вещи, к которым лично я испытывал достаточно позорную для истинного коммуниста тягу, но поделаться с собой ничего не мог.

Меня попутчик раскусил быстро. Хотя для этого много ума не требовалось. Посмотрев на мою гимнастерку без знаков различия, перепоясанную потертым кожаным ремнем, осведомился:

– А вы из служивых будете, милостивый государь?

– Ну не совсем. Я больше по чиновничьей стезе, – невольно переходя на высокий стиль, ответил я.

– А, понятно. ОГПУ, – кивнул попутчик.

Я только неопределенно пожал плечами. Распространяться о своей ипостаси я не собирался. С другой стороны, шила в мешке не утаишь. Я же не какой-то там секретный сотрудник, а вполне официальное и доступное людям лицо. Тем более с инженером мне непременно придется общаться, как и со всеми значимыми фигурами города – работа такая, всех должен знать и держать руку на пульсе. Так что это дорожное знакомство мне еще пригодится.

– Первое назначение, – с пониманием произнес он.

И тут почти в точку. Сам знаю, что нет во мне солидности, зато излучаю юношеский восторг перед миром, что не свойственно сотрудникам нашей организации, проработавшим в ней даже недолгое время.

– Не совсем. – Я невольно покосился на шрам, проходящий через запястье к ладони – память о недавней стажировке. И попутчик с пониманием кивнул.

Да, лихая у меня стажировка вышла. Был приказ стрельбы не открывать, потому что агрессивная толпа, скучившаяся около здания райкома и готовившаяся на штурм, была из обычных, одурманенных вражеской пропагандой трудящихся. Ну как стрелять по трудящемуся человеку? Только уговаривать и распропагандировать. А затем выявлять зачинщиков, и с теми уже по всей строгости. Только толпа мало походила на одурманенных пролетариев. Это был сброд, жаждавший погромов и крови. А войска запаздывали. И противостоять всему приходилось нескольким сотрудникам ОГПУ и милиционерам, выглядевшим достаточно хлипко на фоне агрессивного сборища. И у меня аж спина чесалась в предчувствии провокации.

Так и произошло. Откуда-то грянул выстрел. Толпа рванула вперед. И тут же мне пропороли чем-то острым левую руку. Я успел в ответ двинуть кулаком в нападавшего, так что только зубы посыпались. А потом смутно помню последовавшие события. Махал кулаками, отбивался и понимал – сейчас сомнут. Потянулся все же к револьверу, наплевав на строгие указания.

Но на указания не один я плюнул. Загрохотала длинная оглушительная очередь. Как потом я узнал – находившийся в осаде вместе с верными партийцами секретарь райкома, обустроив точку на втором этаже, выкатил каким-то образом завалявшийся там с давних времен пулемет «максим» да и ювелирно срезал из него пару человек с оружием. А затем дал длинную очередь поверх голов. И спас нас.

Отбились. Бурление в районе длилось еще долго. Вообще год был беспокойный. Менялась страна. Вылезли все старые враги, подбивали не слишком довольный коллективизацией и новшествами народ на бузу. И кому с этим разбираться? Ну конечно, нам, ОГПУ...

Поезд продолжал тащиться страшно медленно – казалось, пешком быстрее дойдешь. Уходил он из облцентра в три часа ночи, а в Углеградск умудрялся дотряхать аж ближе к следующему вечеру. Мы простаивали на каждом полустанке, где неторопливо выгружались почта и какие-то тюки. А потом так же неспешно плелись дальше, встречая и пропуская гремящие тяжелые составы с углем.

Но дорога под разговоры была куда веселее. Инженер рассказывал про свою работу. Про Берлин, где он учился ещё до Первой мировой войны. Про Европу. И про поэзию геологии, которая оказалась не наукой о камнях, а наукой о нашей планете.

Мне страшно импонировала его немножко старорежимная манера разговора. Притом гораздо больше, чем развязно-панибратский и хамоватый стиль большинства наших товарищей, подчеркивающих, что они люди простые, из народа. Почему из народа нужно тащить грубые манеры, я не понимал. Моя беда в том, что отец заботился о воспитании единственного сына. Давно это было. Тогда, когда у меня еще была семья. И был я то ли обычным сорванцом, ввязывающимся в отчаянные драки с нашим врагами из селян, то ли начитанным барчуком, сыном самого образованного в городке человека – учителя.

От этих воспоминаний мне как-то взгрустнулось. И собеседник тоже замолчал, думая о чем-то своем. Наконец, он сказал:

– Подъезжаем!

Показался Углеградск с куполами церквей, двухэтажными домишками. А вот и здание вокзала, приземистое, длинное, выкрашенное в какой-то грязно-желтый цвет, с башенками и архитектурными излишествами.

– Конечная! Собираемся! Выходим! Не забываем багаж! – кричал проводник отчаянно, будто поднимая людей в атаку.

Конечная. Притом не для этого поезда, а просто конечная – железная дорога тут обрывалась, шпалы кончились, рельсов нет. А дальше шли глухие сельские районы и обширнейшие, непролазные леса и болота. Вокруг же города работали угольные шахты.

Какая-то робость на миг снизошла на меня. Первая моя самостоятельная работа. Важный этап жизни и настоящий экзамен на человеческую и профессиональную зрелость. И обрывающаяся железная дорога выглядела символично. Все, проторенный путь кончился. Дальше неизвестность. Чаша, в которой придется нащупывать свой единственно верный путь.

Попутчик едва улыбнулся, понимая мое состояние. Мне вообще показалось, что он чертовски много понимал.

– Ну что ж, пора прощаться. Возьмите почитать. – Он протянул мне книжку.

Это было дореволюционное издание с ятями и прочими излишествами. На дешевой картонной обложке значилось: «Артур Конан Дойль. Приключения Шерлока Холмса».

– В связи с родом вашей деятельности сие творение будет не просто интересно, но и поучительно, – отрекомендовал книгу попутчик.

Знал чем порадовать. Распознал во мне запойного книгочея, что, впрочем, неудивительно с учетом того, что под полкой среди моих вещей лежали две увесистые связки книг, а в дороге я читал только что вышедшее романтическое произведение Александра Грина «Бегущая по волнам» – там как раз про моря и путешествия.

– А как вернуть? – спросил я.

– О, думаю, проблем найти меня у вас не будет. Освоюсь – заглядывайте в гости. Вижу, вы юноша пылкий и начитанный. А у меня хорошая библиотека, и еще арабский кофе, прекрасный китайский чай.

Он протянул картонку, на которой было отпечатано типографским текстом «Ветвитский Сигизмунд Яковлевич, горный инженер». Это называется визитная карточка, такой старорежимный атрибут, раньше подобные были у всех почтенных персон.

– Всенепременно, – расшаркался я.

Поезд тряхнуло, и он замер. Горный инженер пожал мне на прощанье руку. Подхватил свой саквояж. И вышел, хлопнув за собой дверь – его ждал багаж в багажном вагоне, носильщики. Вряд ли такой человек потащит ношу в своих руках. Носильщики, извозчики – хорошая жизнь. А я сейчас выволоку на перрон тюки и стопки книг. И потащусь с грузом через всю платформу. Носильщики с извозчиками – это дорого и вообще признак буржуазности.

Тут в купе постучали. Дверь с лязгом и треском стремительно ушла вбок. И в проеме прохода возникла массивная фигура. Густой бас угрожающе произнес:

– Большаков?..

Глава 3

Лицо у незнакомца было разбойничье, сам здоров как бык, тон весьма напористый и опасный. Так что я невольно напрягся. Первая мысль была – ну вот и по мою душу пришли. Несмотря на младые года, врагов я успел нажить немало. Особенно в последнее время, когда настажировался всласть в особой оперативной группе центрального аппарата ОГПУ. Многим мы хвост прищемили. Или местная контрреволюция решила новому оперативнику прописать пулю авансом?

– Ну я Большаков, – буркнул я, прикидывая варианты.

Незнакомец вытянулся по струнке:

– Штатный дежурный Богородцев. С окротдела мы. Начальство приказало вас встретить и проводить.

Я ощутил, что краснею и скоро будут походить на рака после выварки. Люди добрые, посмотрите на меня, пугливого дурака! Это ж надо такое себе напридумывать. Понятно, что из области оттелеграфировали, каким поездом едет новый уполномоченный. Вот с окружного отдела и послали встретить.

Теперь я более миролюбиво осмотрел присланного за мной сотрудника. Рубаха-косоворотка, заправленные в сапоги серые брюки – и все равно сие партикулярное платье смотрелось на нем военной формой. Стоял он навытяжку, чувствовалась еще старорежимная солдатская школа, которую не вытравишь. И вместе с тем в глубине его глаз горела легкая насмешка по отношению к молодому, да раннему, который командовать будет. Но старый служака, не достигший чинов и званий, судя по всему, привык подчиняться молодым да ранним. Такова жизнь. И в такой системе отношений он чувствовал себя вполне комфортно, хотя сейчас уже времена давно другие, тянуться не обязательно, все вроде как равны.

– Александр, – протянул я руку.

И был вознагражден крепким рукопожатием.

– А мы Андрей Данилович будем. Давайте вещички, – сказал чекист.

Он подхватил здоровенный баул, куда поместились выходной костюм, военная форма. Я не привык, чтобы мои вещи кто-то таскал вместо меня, но отказываться не стал. Одному тяжело было бы, а так только подхватил две стопки книг.

Богородцев двигался легко, несмотря на свое массивное телосложение. Ловко спрыгнул со ступенек вагона на перрон вокзала.

Я последовал за ним. И чертыхнулся. Тоже мне, спортсмен-атлет. Приземлился на перрон неудачно, едва не навернувшись. И тут еще вдобавок в бок меня пребольно толкнули.

Выронив стопку книг, я отскочил. И увидел перед собой престранную личность. Невольно отступил на шаг, едва не навернувшись. Напрягся.

Передо мной стоял невысокий, жилистый, худой мужичонка. Его длинная красная рубаха была перепоясана бечевкой, жидкая борода топорщилась. В руках он сжимал деревянный ящик – судя по всему, подвизался перетаскать груз. Лицо его было перекошенное, а глаза какие-то безумные. И смотрел на меня он не со злостью и недовольством, а с видимым испугом. Под моим вопросительным взглядом он сжался, будто хотел провалиться сквозь землю. Губы его дрогнули, и из глаз неожиданно потекли слезы.

– О, Гордей, – воскликнул Богородцев. – Экий ты неловкий... Ну чего испугался? Это не военный. Это наш товарищ. ОГПУ. Надежа и опора советской власти. Понял?

Мужичонка закивал, уставился в землю и, не глядя больше на меня, засеменил вперед, легко таща перед собой ящик, кажется, довольно тяжелый. Приглядевшись к нему, я понял, что скорее это не мужичонка, а парень, и лет ему не так много, едва за двадцать. Просто гримаса на лице сильно старит.

– И кто это такой? – недоуменно поинтересовался я.

– Да наш местный юродивый. На вокзале трется, кому что поднести, чем помочь.

– А что я ему сделал плохого?

– Это он на военную форму ярится, – пояснил мой проводник. – Во время гражданской беляки его сильно обидели. Вот теперь и шарахается испуганно от всех френчей, шинелей и гимнастеров.

Пока было прохладно, но вскоре летнее солнце нагреет этот город, примется изнурять трудовой люд. Ну и ладно. Жара лучше, чем холод.

На покрытой брусчаткой круглой привокзальной площади толпился встречающий и прибывающий народ. Метались мальчишки, предлагая газеты, разную бытовую мелочь и папиросы. Выстроились в ряд извозчики и деревенские телеги. Ажиотаж был понятен. В этот медвежий угол пассажирские поезда приходят раз в два-три дня. Но железнодорожники не скучают. Из Углеградска уходят состав за составом, груженные углем. Конечно, до Донбасса и Кузбасса нынешние копи не дотягивали, и лучшие времена их были в прошлом, но все же в угольных запасах страны местное стратегическое сырье занимало достойное место.

К моему удовольствию, Богородцев направился не к извозчикам и телегам, а к длинному красному автомобилю с открытым верхом, на его радиаторе сияла синей эмалью пластинка с надписью Fiat. Сопровождающий обустроил аккуратно на заднем сиденье мои вещи и жестом пригласил меня в машину:

– Домчим с ветерком.

Богато живут. Давно меня в лимузине не катали. Хотя и очень старом, похоже, дореволюционном.

Богородцев подтвердил догадку:

– Раньше тут буржуи кучеряво жили. Сплюшь французские да немецкие концессии были. Много чего от них осталось. В том числе моя пони.

Он ласково погладил рулевое колесо и со всей дури нажал на клаксон, так что лошадь рядом фыркнула и отпрянула.

А машина достаточно резво, хоть и с каким-то мистическим скрежетом, рванула вперед. И я ощутил истинное удовольствие. Все же в роскоши есть своя порочная притягательность. Мне казалось, что весь город, да что город – вся страна сейчас смотрит на меня, мчащегося в лимузине, и люди протягивают что-то уважительное: «О, это парень не промах, если его катают на таком авто».

Окротдел ОГПУ располагался в двухэтажном каменном здании с колоннами и античным портиком. Второй этаж занимал уголовный розыск, а первый – мы.

У входа рядом с лестницей стоял стол, за которым бдил боец в белой милицейской форме. Нас он пропустил без звука.

Потолки были высоченные. Лепнина, широкие коридоры, просторные помещения. Лестница металлическая, вычурная, с орнаментом. Как я понял, этот дом – остатки былой роскоши. Скорее всего, тут раньше жила семья купца первый гильдии или французский денежный мешок, который делал свои капиталы в России-матушке, привычно ненавидя и презирая ее.

Мы бросили мои пожитки в комнатенке в углу за лестницей.

– Начальство ждут, – с трепетом проговорил Богородцев.

Он проводил меня в самый конец широкого коридора со стоящими по обе стороны стульями. Постучался в дверь. Осторожно отворил ее и проинформировал:

– Прибыли!

Кабинет был просторный, с изразцовой печью, массивным сейфом на ножках и старинной мебелью. Хозяин этих апартаментов сидел за расшатанным письменным столом. Серый потертый пиджак теснился на его широких плечах. В падающем сбоку из узкого окошка свете сияла гладкая лысина. Он яростно черкал какую-то бумагу. Оторвавшись от своего занятия,

откинулся на спинку заскрипевшего стула и поглядел на меня. И я даже отшатнулся. Начальник окружного отдела ОГПУ был весь в шрамах. Они рассекали его широкий лоб, квадратное лицо, жилистые руки. Застарелые шрамы, глубокие. Эх, это через какую же картофелечистку его пропустили?

– Товарищ начальник отдела. Прибыл для представления на должность! – Я положил перед ним на стол красную книжицу.

«УДОСТОВЕРЕНИЕ № 19477. Дано Большакову Александру Сергеевичу в том, что он состоит на службе в Углеградском окр. отделе ОГПУ в должности уполномоченного. Согласно п.6 Положения об ОГПУ сотрудники в своих правах и обязанностях, а также во всех других отношениях приравниваются к лицам, состоящим на военной службе с распространением всех льгот и преимуществ, установленных для РККА. Сотрудникам органов ОГПУ присваивается право ношения и хранения всякого оружия».

Мельком глянув на удостоверение, начальник отдела толкнул его обратно через стол и с недобрим прищуром принялся рассматривать нового сотрудника. Результат его не радовал. Он рассчитывал, что в свете последних трагических событий ему пришлют матерого волкодава, а перед ним стоит жизнерадостный щенок-переросток породы сенбернар. Ну а с кем еще сравнить рослого детинушку, выглядевшего не на свои двадцать два, а на каких-нибудь семнадцать-восемнадцать лет, всего квадратного, поперёк себя шире, с загребущими руками-лопатами, смешно оттопыренными ушами и круглым лицом, на котором сияли честные и по-детски наивные карие глаза. Я прекрасно знал, что выгляжу как деревенский увалень, а вот теперь и начальник это знает. И на лице его скептическая гримаса, суть которой примерно в следующем: «на кухню в деревне тебе, мальчонка, подмастерьем, кувалдой по заготовкам шарашить». Впрочем, мне к таким скептическим взглядам не привыкать.

Молчание затягивалось, так что я счел нужным разбить эту театральную паузу. Ну а заодно подкатить к командиру – тут у меня практика заискивания и подольщения большая, все ж столько лет Красной армии отдано.

– Много наслышан о вас, товарищ начальник окротдела. Для меня честь под вашим началом постигать азы мастерства.

Я и правда был наслышан о нем. Кадровик в областном полпредстве ОГПУ с некоторой усмешкой выдавал предписание, сопровождая это словами: «Твой новый руководитель человек серьезный. Можно сказать, стальной. А местами просто чугунный – то есть не гнется и очень тяжелый. Но дело знает и заслуги имеет немалые».

– Значит, любишь к начальству подлизаться, – прохрипел низким голосом начальник, поднимаясь из-за стола и критически разглядывая меня с ног до головы. – Что ж, дело тоже нужное.

– Никак нет, товарищ начальник отдела. Люблю говорить правду.

– Хватит тянуться, – криво усмехнулся он. – И ты эти старорежимные замашки и выканья прекращай. У нас по-пролетарски – на ты. Я Максимильтан Данилович. Или товарищ Раскатов. Ты по зеленым Сашок будешь. Усек диспозицию?

– Так точно, товарищ Раскатов!

Непривычно это для меня после армейской субординации, въевшейся в мою суть за многие годы. Но в чужой монастырь со своим уставом не лезут. Тем более когда настоятель монастыря такой вот – упрямый, в шрамах и со странностями. Почему-то мне показалось, что служба здесь – это дело тяжелое и правда чугунное, как сам начальник. Но я ее не выбирал, а она выбрала меня. Будем приспосабливаться. Не впервой.

– Ну что насупился, Сашок? – обойдя меня, так и тянувшегося по стойке смирно, спросил начальник. – Стрелять умеешь?

– Отличник боевой и политической. В пехотной военной школе только пятерками блистал, – отчеканил я, едва не добавив «пока с середины учебы в ваше ОГПУ, будь оно неладно, не призвали».

– Вот и посмотрим в деле, какой ты отличник! Получи винтовку в оружейке. «Нагана» маловато будет. И с рассветом на охоту.

– Большой зверь? – сразу подобравшись, осведомился я.

– Не меньше индийского слона. Едем банду атамана Шустова со света сживать...

Глава 4

Леса не надо бояться. С ним нужно дружить. Его нужно защищать и уважать. И тогда из врага он станет другом. Спасет, когда надо. Укроет. Подскажет. Это не мои слова – я не настолько умный. Это дядя Сева всегда так говорил. И, как всегда, старый разведчик-пластун был прав.

Умение слушать лес в лесу, себя в лесу и лес в себе мне вдалбливали с детства. Замечать все – где вспорхнули птицы или где их нет, а должны быть. Дуновение ветерка. Шелест листьев. Поступь и следы лесного зверя. Примятая трава и сломанная ветка. Любой диссонанс. Ощущать лес всем своим существом. Наука эта нелегкая, но учителя хорошие были. И умение слушать лес не раз спасало жизнь и мне, и тем, кто шел за мной. Именно благодаря этому мое тело в свое время не обглодали волки, а на плацу комдив лично перед строем вручил мне, совсем сопливному, но очень упрямому пацану, ценный подарок.

И сейчас мне не слишком нравилось, что мы относились к лесу как-то легкомысленно. Перли вперед лосями, так что только ветки трещали. Это моим спутникам казалось, что мы движемся бесшумно и аккуратно. У меня же все в груди переворачивалось.

Хотя, откровенно говоря, я и сам теперь не слишком блистал. Эх, прошли те времена, когда я, легкий, как тростиночка, мальчонка невесомо скользил меж деревьев. Чем больше набираешь живой вес, тем меньше твой вес как разведчика. Разведчик должен шелестеть по кустам и траве, а не топтать носорогом, сотрясая землю.

В нашем сводном отряде собралось полтора десятка человек. Начальник окротдела ОГПУ, еще два наших сотрудника, не считая меня. Мы успели только представиться друг другу и обменяться рукопожатиями, больше я о них ничего не знал. Не познакомились толком, а уже идем вместе в бой. Но так все время бывает там, где эти бои идут.

Остальные в отряде были из милиции, уголовного розыска и взвода конвойной стражи. По замыслу, нашей вооруженной мощи вполне должно было хватить, чтобы окружить хутор Кулибино, где собрались граждане бандиты. Ожидалось, что мы найдем там самого Артема Белоштанного – это не кличка, а фамилия у него такая по метрике, и он самый близкий помощник атамана Шустова. С ним будет еще парочка лесных душегубов. Если информация правдива, то народу нам должно хватить с запасом. Тут еще от выучки бойцов много зависит, а пока, к сожалению, она меня, отличника боевой учебы РККА, не радовала.

Собирались мы на вылазку, как всегда, бестолково, с шумом, понуканиями и недопониманиями. Но так бывает всегда перед хорошим дельцем. Я получил в оружейке у штатного дежурного Богородцева драгунский карабин Мосина – Нагана, а также две похожие на бутылки наступательные гранаты РГ-14, по-моему, еще времен Мировой войны. Когда я сгребал горстями патроны и рассовывал по карманам галифе, а также забивал в специальный кожаный подсумок гранаты, на меня смотрели искоса, как на дорвавшееся до игрушек малое дитяtko. Но ведь недаром говорится, что без винтовки, патронов и гранат не живет русский солдат.

Между тем Раскатов перед выходом распределял, кому что делать. Краем уха я слышал, как он в своей привычно грубой и зримой манере выговаривал своему заместителю:

– Тебе что винтовка, что коромысло, Гордеич. Остаешься на хозяйстве!

Этот самый заместитель носил комичную, на мой неприятный взгляд, фамилию Первач – ну хоть не Первач, спасибо должен говорить и за это. Был он высок, статен, самую малость полноват и весьма смахивал на персонажа дореволюционного синематографа – встречались там такие герои-любовники, которым, в порыве страсти заламывая руки, падала в объятия Вера Холодная. Он единственный был при параде – то есть в военной форме, перетянутый портупеей, с положенными по должности тремя шпалами в малиновых петлицах, и выглядел

истинным воином-защитником. Поэтому слова начальника отдела о его сомнительной боевой готовности резко диссонировали с мужественным обликом.

Я б взорвался фейерверком от такого пренебрежения своими боевыми достоинствами и разбился бы в лепешку, чтобы доказать обратное. Но по Перваку было видно, что воробей он стреляный, в бой не рвущийся, и оставаться на хозяйстве его устраивало гораздо больше, чем лезть под пули. Поэтому он только кивнул:

– Не волнуйся, Максимильян Данилович. Не подведу.

Впрочем, под пули лезть никто зазря не собирался. Раскатов утверждал, что знает этот хутор и подходы к нему как свои пять пальцев. А также хорошо знает нрав бандитов. Пока мы доберемся до цели, они там перепьются, уверенные в своей недосыгаемости для органов охраны завоеваний революции. И тогда можно брать их тепленькими.

Полдороги мы проехали на выдавшем виде грузовичке непонятной марки, принадлежащем отделу милиции. И вот теперь топаем между болот, ельников и березок. И с каждым шагом наш удалой настрой нравился мне все меньше.

Лезть с настырными советами к начальству я не собирался. Поскольку сам тут даже не без году неделя, а без суток час.

Банда Шустова была главной головной болью не только уезда, но и всей области. Сам Атаман был из тех неисправимых сволочей, которые твердо решили свою жизнь посвятить тому, чтобы испортить жизнь другим, в нашем случае – ненавистным ему советским людям. Бывший царский прапорщик гражданского призыва, отмеченный боевыми наградами еще за Мировую войну, он отчаянно воевал с советской властью и прославился удивительными даже для белой сволочи зверствами в отношении тех, кого он считал бунтующим быдлом и кого у нас принято называть народом. Где он только не отметился после Гражданской войны. И в Средней Азии побывал, с басмачами обнимался и ужас сеял среди мирных дехкан и представителей советской власти. И в Тамбовском восстании поучаствовал – жалко, наша дивизия его не повстречала, тогда волки давно бы его косточки обглодали. В позапрошлом году засветился в крестьянских волнениях в Поволжье и отметился там привычным кровавым следом. В общем, наш пострел везде поспел. А чуть больше года назад принесло его в эти края. И он уже успел снова прославиться жестокими убийствами. Взял кассу в Семиречном районе. Устраивал налеты на колхозы и сельсоветы. Запугивал людей. Вылезал на свет божий, кусал ядовитыми зубами и, как кикимора, скрывался в болотах и лесах.

Кстати, Углеградск Шустову вовсе не чужой. В Гражданскую войну наводил здесь шорох в составе казачьего карательного отряда, оставившего о себе страшную память.

Чего он хотел достичь сейчас? Для свержения большевиков сабель у него маловато. Тогда что? Хотя это неважно. Узнаем, когда поймаем.

В общем, противник у нас был серьезный. А шли мы расслабленно. О чем я все же высказался начальнику – мол, по науке нужно боевое охранение, проработанные сигналы оповещения и прочие премудрости. И вообще движемся слишком быстро.

– Не умничай, – отмахнулся Раскатов, положив ладонь на деревянную кобуру с «маузером». – По твоей военной науке за неделю не допоздем. У нас все проще. Бросок, атака, результат!

Дорога петляла, сужаясь в тропинку, пропадая вообще и возникая вновь. Чаша становилась все гуще, кустарник все плотнее. А настроение – все тревожнее. И сжимал я карабин все крепче.

И как всегда в таких походах, долбила одна мысль – лишь бы не нарваться на противника не вовремя. Могли столкнуться лоб в лоб, тогда не вовремя будет для обеих сторон. Но самое страшное – это засада. Это уже крайне не вовремя, и именно для нашей стороны.

Сколько лесов и болот мною пройдено, в скольких засадах ждал врага, а сколько засад вскрыл. Тут просто навыков и опыта недостаточно. Тут чутье нужно. Вот и напрягал я его. И это чутье сигнализировало, что вылазка наша чреватая и дурацкая.

Совсем узкая тропа, почти исчезнувшая, вдруг стала расширяться и запетляла в сгустившемся лесу.

– Уф, – притормаживая, вытер вспотевший лоб Раскатов. – До цели рукой подать. Там рассредоточимся. Вперед!

Я кивнул. И тут как электрический ток меня ударил. Впереди будто пустота образовалась, всем нутром ее почувствовал. Такой разрыв в ровной лесной ткани.

В таких случаях я начинаю сначала действовать, а потом думать. Сколько раз проделано мной такое, вбито в печенки до стремительного автоматизма. Вскидываю карабин. Передергиваю затвор. Луплю куда-то в кусты – на кого бог пошлет. А потом отталкиваю плечом начальника, сшибая его с ног.

Оглушительно грохают в тишине леса почти одновременно два выстрела – мои и вражий. В густом кустарнике прямо по ходу кто-то начинает дико визжать. Я падаю на землю, окатываюсь в сторону и кричу:

– Засада! Ложись! По укрытиям!

Но это уже и так понятно всем. Кто пошустрее и поопытнее, те рассредоточиваются, прячутся за деревья и в складках местности. Другие катастрофически запаздывают. И их настигают пули.

В лежачем положении я достаю гранату. Привожу ее в боевое состояние. Приподнимаюсь. Ну что, вперед!

Пробегаю с десяток метров. Снова падаю, когда вокруг начинают свистеть пули. И бросаю гранату.

Потом опять стрельба. Но уже не такая азартная. И неожиданно все заканчивается. Обрушивается тишина. И только слышны стоны.

Враг ушел. Испугался. Он был намерен истребить нас, пользуясь внезапностью. Но не срослось. Им не повезло, что на их пути встал рыцарь без страха и упрека уполномоченный Большаков, в первый день вышедший на службу и сразу попавший как кур в ошип.

Пора подсчитывать потери и трофеи. К счастью, мы победили. У нас один с ранением средней тяжести и двое с легкими. Еще несколько царапин. Раскатова черкнуло по черепу, но лишний шрам его уже не испортит. Благо череп цел, только кожу рассекло. Это была та самая первая вражеская пуля, которая бы прибила его, если бы я не толкнул.

Нападавшие бежали, при этом позорно оставили своих товарищей, точнее, соучастников. Один валялся бездыханный, с пулей в груди. Это был тот, кого я подстрелил своим первым выстрелом. И еще одного раненого нашли в стороне, был он посечён осколками и именовался живым лишь с большой натяжкой. Два-ноль в нашу пользу. И обоих, получается, я приголубил. Самое время расправить плечи и начать гордиться собой. Но повод для гордости у меня был бы, если бы я настоял на своем и убедил действовать осторожнее, тем самым не дав завести отряд в засаду.

Пленного пытались перевязать, а потом допросить. Он мог рассказать много интересного. Но в ответ на тактичные и вежливые вопросы разразился все слабеющими матюгами, очень нелицеприятно отзываясь о нашей родне до пятого колена. А потом издох.

– Ушел, скотина, – в сердцах пнул отдергавшееся тело начальник отдела. – Легко отделался!

– Ну как сказать, – покачал я головой.

Раскатов зыркнул на меня зло. И я понял, что благодарить меня за чудесное спасение никто не собирается. Наоборот, как часто бывает, обозлились, что я был прав, а руководство – совсем наоборот. Ладно, такова человеческая природа. Надо к подобным изгибам челове-

ской психики и отношений относиться философски. И что-то кому-то доказывать я не соби-
рался...

Но на этом беды не закончились. В тот же день к околице села Средние Гати лошадь
притащила привязанный изувеченный труп. Это был внедренный с огромным трудом в банду
Шустова секретный сотрудник, который и передал информацию о хуторе.

Да, как говорят московские футбольные болельщики, размочили нам счет в этом тайме.
Два-один, правда, пока еще в нашу пользу. Только плохо такая арифметика работает. Убиваем
чужих. А теряем своих...

Глава 5

Вечером меня пригласил в свой кабинет Раскатов. Был он черен, как грозовая туча. Смотрел на меня недобро.

Я ждал от него любого разноса, наверняка злого и несправедливого, но даже не собирался возражать. В таких случаях дешевле соглашаться и строить из себя идиота. Это тоже военная наука, которая даже ближе к стратегии, а не к простой тактике.

Раскатов жестом пригласил меня садиться. Сам встал из-за стола, вытащил из буфета красного дерева, занимавшего приличную часть кабинета, хрустальный графин и стопки, которые наполнил до краев.

– Ну, за павших. За Лешу Глотова. За Георгия Кошелева!

Хлобыстнул разом. Мне пришлось последовать его примеру. Самогон был весьма неплохой, хотя я не любитель и не знаток спиртного, предпочитаю не пить вообще. Но тут такое дело – установление неформального контакта с руководством. Для этого разок и окосеть можно. Да и за погибших стопку поднять – дело святое.

Леша Глотов – это тот секретный сотрудник, которого сегодня убили бандиты. И фамилия Кошелева мне тоже хорошо знакома. Он был уполномоченным окротдела. Именно на его место я приехал. Он отвечал за борьбу с бандитизмом и, похоже, слишком близко подобрался к банде Шустова. Его заманили в ловушку. Захватили в плен. Пытали. Вспороли живот и набили сеном. А на спине вырезали ножом красную звезду. Все в лучших традициях кулацких бунтов начала двадцатых годов. Люди Шустова – настоящее зверье, а он сам – зверь из зверей.

Судьба моего предшественника меня не испугала. Наоборот, была какая-то дурацкая и в чем-то постыдная радость. Неохота протирать штаны в кабинете. Хочется большого дела. И я был настроен на него. Целый год банду ловили без толку, и тут молодой герой Саша Большаков на белом коне шашкой рубает всех. Красота! И потом сам руководитель ОГПУ СССР товарищ Менжинский вручает мне орден Боевого Красного Знамени и дружески жмет руку в Колонном зале, при этом даже прослезится и скажет: «Рад, что у нас такая молодежь. Будет кому оставить свое место»... Конечно, подобные мечты – полное мальчишество. И вся эта идиотская радость разбивается вдребезги, когда рядом падает пробитый пулей боевой товарищ и ощущаешь запах пороха и крови. Так уже бывало со мной не раз. И все равно дурная энергия и странные ожидания вновь и вновь захватывают. Это глупость или молодость, интересно? Хотелось бы, чтобы второе.

– Опережает нас Атаман, – со стуком поставив на стол рюмку, произнес Раскатов. – На немножко. На шаг. На полшага. Но всегда. Это о чем говорит?

– Что это не просто везенье? – спросил я.

– Точно. Наполнил он весь город своей агентурой. И возможно, что протекает информация где-то у нас.

– В отделе?

– Или у смежников... Но уши у него есть. И это самое наихреновейшая хреновина у нас. Пытался я утечку выявить. Извивался, дезинформацию подкидывал, следил. И ничего.

От этих слов мне стало как-то тоскливо. Не факт, что начальник прав. Но если и правда под боком предатель – это значит, что у нас ничего не получится, пока мы его не выведем. Поэтому верить в это не хотелось.

– А ты молодец, Сашок, – ударил Раскатов кулаком по столу так, что рюмки с графином подпрыгнули. – Ловко срисовал засаду.

– Ну, как говорится, солдатское дело – воевать умело.

– В твоей военной школе так научили или от природы такой ушлый?

– Давно воюю.

– Какие твои годы? – удивился Раскатов.

– С тринадцати лет в бою, – горько усмехнулся я, но в подробности вдаваться не стал, и так на душе тягостно.

– О какие шишки-елочки, – уважительно проговорил начальник. – В общем, объявляю тебе благодарность. Первый экзамен ты выдержал.

– А следующий когда?

– Следующий вместе будем сдавать, – произнес, посмурнев, Раскатов. – По предмету «поймай атамана Шустова». Сдохни, а поймай...

Глава 6

Перед тем как направить в область спецдонесение по прошедшим событиям, Раскатов дал его вычитать мне как сильно грамотному да еще участвовавшему в бою. Хотя, скорее всего, сделал это не для проверки грамматики, а для демонстрации доверия к моей персоне. В донесении моя роль была расписана в самых радужных красках. Герой, одно слово. Спас отряд. Достоин награды.

С наградой, впрочем, вряд ли что выйдет. Награды дают за успехи, а не за то, что смогли пережить поражение с наименьшими потерями. Вот с успехами было швах.

Между тем потянулись мои рабочие будни, в которые я входил просто и органично. Знакомился с городом, людьми и работой. Притом с интересом и энтузиазмом. В новые места я вживаюсь моментально и с удовольствием.

За свою молодую жизнь мне пришлось повидать немало городов. Видел их в расцвете сил и разрушенными войной. Видел красивые и уродливые. Дружелюбные и агрессивные. Я любил постигать их суть. В этом есть что-то волшебное. Сперва ты видишь просто деревья, дома, улицы, вроде обычные, ничем не выделяющиеся. Но, как на проявляемой фотографии, с каждым днем они очерчиваются все четче, и постепенно ты проникаешься духом города.

Какой дух был у Углеградска? Сложный. Местами сонно-провинциальный. Местами болезненно-разгульный, по-пролетарски, по-шахтерски! Еще здесь чинные казацкие традиции сочетались с остаточным ароматом некогда пребывавших здесь больших денег, оставшихся в виде своего театра с колоннами, синематографа, дорогих особняков в центре города и величественного Спасского храма. Имелся здесь и типичный трактирный нэпманский разгул – куда же без него?

В городе жили три десятка тысяч человек. Был он преимущественно одноэтажным, если не считать нескольких бывших доходных домов, один из которых взметнулся аж на четыре этажа.

Углеградск был сильно растянут и переходил в сельскохозяйственные пригороды. По нему уже год ходил рейсовый автобус английской фирмы «Лейланд» – чудо чудное и доселе здесь невиданное. До революции были планы пустить трамвай, но разбились о реалии Гражданской войны. Которая, кстати, прошла здесь знатно – за город шли бои, отсюда вышибали бежавших, притом с большим трудом и потерями. Да и сами бежавшие позверствовали нешуточно, и народ до сих пор отлично помнит их художества. Но сам город разрушен был не сильно и быстро восстановлен. В последние годы здесь даже велось некоторое строительство – взметнулось ввысь солидное четырехэтажное здание шахтоуправления, возведен просторный клуб, а на окраине росли кирпичные рабочие общежития и деревянные бараки для малосемейных – для шахт требовалось все больше людей.

Обустроился я, можно сказать, роскошно. Под жилье мне определили половину кирпичного дома в четверти часа ходьбы от работы. Такие дома владельцы шахт строили до революции для наиболее квалифицированного персонала. А мой сосед как раз и относился тогда к таким высококвалифицированным специалистам.

Мне даже было как-то неудобно пользоваться такими благами. Я уж точно не квалифицированный рабочий. И пока не слишком квалифицированный оперативный сотрудник. Однако начальству виднее. Я сам никогда ничего не просил. Но и отказываться глупо.

Мои соседи, знатный шахтер и его жена, приняли меня как родного. Их дети разъехались, кто куда, а двое сыновей служили в Красной армии.

Хозяйка сразу взяла на себя заботы о моем пропитании. От денег гневно отказалась. Тогда договорились, что я буду отдавать свой продпак. Теперь меня старались угостить всякими яствами, так что исхудание мне не грозило. Хотя зарекаться не стоит – очень уж стре-

нительно в последнее время рос дефицит продуктов, так что уже ставился вопрос о введении продовольственных карточек.

На службе я постепенно входил в курс дела. У нас самый маленький окружной отдел в области. И самый беспокойный. Причем оперативная обстановка на нашей территории, с учетом террора, учиненного дружиной Атамана, грозит стать головной болью для всей России.

Мне определили линию «ЭК» – экономическая контрразведка, в основном связанную с городскими предприятиями и учреждениями, и «ББ» – борьбу с бандитизмом.

– Строгий порядок в народном хозяйстве сейчас не менее важен, чем беспощадное уничтожение банд, – объявил вечно хмурый начальник.

Раскатов определил объекты, по которым мне предстояло осуществлять оперативное прикрытие. То есть собирать информацию о настроениях, политических воззрениях работников, выявлять антисоветчиков, вредителей, террористов, шпионов и прочую нечисть. «Выявить заговор, прежде чем он заговорит», – с долей шутки напутствовали нас преподаватели на подготовительных курсах ОГПУ.

Конечно, мечта любого сотрудника, чтобы на его долю достался настоящий нажористый шпион. Но я как человек в целом где-то даже разумный и объективный понимал, что в такой глуши придется иметь дело больше с зарвавшимися бюрократами, расхитителями социалистической собственности и саботажниками.

Большинство объектов давно прикрыты секретными сотрудниками, осведомителями и информаторами, часть из которых мне постепенно передавали на связь. Кроме того, мне нужно было ознакомиться с самими объектами, пообщаться с руководством и людьми. Что я постепенно и делал, с утра до вечера мотаясь по городу. А потом до позднего вечера отписываясь по текущим материалам, которыми мне забили весь сейф в углу моего крошечного, с высокими потолками, скудно обставленного кабинета.

Перво-наперво я установил контакты с уголовным розыском и прокуратурой. Постепенно знакомился с городским начальством и разными лицами, являющимися существенными. И все глубже и увереннее, как начинающий, но способный водолаз, погружался в пучины городских дел.

В число обязательных профессиональных качеств приличного уполномоченного ОГПУ входят неумное любопытство и повышенная общительность. Это такой особый склад личности и наработанные навыки – притягивать информацию, плавать в ней, как дельфин. А стрелять – это любой боец умеет.

Контакты везде и всюду. Устанавливать, развивать, входить в доверие. Нарбатывать такую базу, которая позволит тебе быть самым осведомленным человеком и знать все на территории и объектах обслуживания. Особенно ценятся контакты не по принуждению, а на отношениях. И раз установленные контакты надо всячески поддерживать и развивать.

Такие мысли у меня, кипящего рабочим энтузиазмом, возникли вечером, когда я закончил писать своим аккуратным почерком очередную справку, которую у меня затребовал заместитель начальника отдела Первак. Мне хотелось изыскивать новые, неожиданные возможности и копать глубже. Ведь надо же себя показать!

Тут я вспомнил об одном контакте, который не довел до ума. А надо бы. Человек все же занимает неплохие позиции у наших углекопов, может быть весьма полезен. Да и надо отдать ему вещь, которую я у него по случаю взял.

Я достал из ящика стола толстую книгу «Приключения Шерлока Холмса». Прочитал я ее быстро и с большим интересом. Можно сказать, что она произвела на меня впечатление – прежде всего величиим английского сыщика и осознанием собственного ничтожества, поскольку я вряд ли когда приближусь к таким высотам сыского ремесла. Хотя книжка она и есть книжка. Это там сыщики только сосредоточенно думают да оценивают улики. У нас все проще – тупо внедряй осведомителей да жди информации, как у моря погоды.

Книжку нужно отдать. Заодно попытаться сблизиться с ее владельцем. Человек тот в городе новый, свежий взгляд его на окружающую реальность может оказаться ценным.

Решено. Завтра вечером и отправлюсь в гости.

Я открыл книжку и вытащил лежащую между страницами визитную карточку. «Ветвитский Сигизмунд Яковлевич, горный инженер».

Вот и поговорим с ним про горную инженерию. Пора уже выбираться из моего вопиющего гуманитарного невежества в светлые чертоги инженерной мысли и машинного производства.

Но на следующий день выбраться в шахтоуправление не удалось. Вместо этого опять началась стрельба...

Глава 7

Водяная мельница была давно заброшена, колесо покрылось трещинами, половины лопастей не имелось. Зато прилегающие дощатые складские помещения и амбар находились во вполне приличном состоянии. По оперативной информации, там хранилось зерно, которое теперь в стране на вес золота.

Мне вспоминались строки из только сегодня прочитанной справки ОГПУ:

«Кулаки организовали саботаж хлебозаготовок в 1927–1928 годах. Обладая большими запасами хлеба, они отказывались продавать зерно государству по закупочным государственным расценкам. На 1 января 1928 года дефицит товарного хлеба составил 128 миллионов пудов».

Эти самые миллионы пудов теперь разлетелись по таким вот складам и тайникам, чтобы перепродаваться по тройной цене. НЭП, свобода торговли, черти ее дери!

Еще недавно проблем с обнаружением запасов зерна не было. Держали его хозяева в городах – в лабазах, на складах около рынка. Но как скупщиков принялись щемить, тут они и стали искать лазейки, обустривать укромные места.

Вылазкой руководил сам начальник нашего окротдела. Помимо меня к ней привлекли еще нескольких милиционеров, вооруженных «мосинками» и «наганями». Спекулянты, конечно, народ торговый, но очень уж злобный. Они заботились об охране своего имущества и готовы были за него кому угодно горло порвать.

Памятуя о прошлой нашей вылазке, Раскатов сейчас довольно внимательно прислушался к моим советам, как провести операцию и одолеть противника.

Используя складки местности и естественные укрытия, мы незаметно подобрались к цели. Около мельницы маячил сонный мужик с ружьем. Сейчас он сидел на корточках и раскуривал вонючую самокрутку. В самом складском помещении тоже наблюдалось движение.

Атаковать в лоб мы не стали. Я аккуратненько прополз вдоль берега и стремительным броском свалил часового, умелым ударом ладони вышиб ему сознание. Ничего, очухается и еще спасибо скажет, что не ввели в смертное искушение открыть огонь по представителям власти.

Оставалось только взять сам склад. А присутствие там какого-то неизвестного фигуранта меня смущало. Потому вся надежда только на скорость.

И наши это понимали. Устремились вперед на всех парах. Пробежать каких-то три десятка метров, но при этом на каждом шагу имея шанс получить пулю в грудь – это дело нервическое. Атака – это вообще острие жизни и смерти. Но иначе не получалось, по-другому к складу не подобрешься.

Почти успели.

Но почти не считается.

Нет, никто стрелять по нам не стал. Закрутилось все иначе. В дверях появился крупный бородатый мужик средних лет, в справных сапогах и качественной одежке. Мирон, судя по всему, хозяин склада. Известный нэпман и зерновой спекулянт.

Оружия у него не было. Зато у ног стояла канистра, скорее всего, с керосином или бензином, а в руках он держал подпаленный факел – и когда только успел зажечь.

– Стой, голытьба! – заорал он. – Подожгу! Вместе с собой!

Наши бойцы застопорились. Стране нужно было зерно, а не угольки.

– Мирон! – крикнул Раскатов. – Не чуди!

– Все сожгу!!! – истошно заорал нэпман.

– Чего ты развоевался? – примирительно спросил начальник, приближаясь к нэпману и держа в руке тяжелый «маузер». – Сдашь зерно. Глядишь, даже и не посадят. Ты же закон знаешь.

– Богопротивный закон твой! – орал никак не желающий уgomониться спекулянт. – Мое! Никому не отдам! Вместе с зерном сгорю!

И он начал подносить факел к канистре. Скорее всего, такие же канистры стояли на складе. Мирон давно уже готовился к такому раскладу. И словесными убеждениями его не пронять. Что с ним, дураком, делать, спрашивается?

Между тем Раскатов приближался к спекулянту, воркуя и уговаривая. Пока Мирон не заорал:

– Стой! Ни шага!

Расстояние сократилось прилично.

– Стою, – покорно произнес начальник. Потом вскинул «маузер» и выстрелил.

Пуля угодила мироеду точно в плечо. Да так, что факел отлетел в сторону. Вот ведь снайпер! Молодец!

Сухая трава загорелась, и огонь пополз к канистре. К складу кинулись все. Мирона сбили с ног и связали. Затоптали огонь.

Ранение было несерьезное, и Мирон неистовствовал, выпучив глаза, поливал нас проклятиями:

– Ничего, время ваше кончается! Скоро белый царь вернется! А пока его люди вам житья не дадут!

– Кто? Уж не атаман ли Шустов? – поинтересовался Раскатов.

– А хотя бы и он! И кишочки тебе выпустит! Все будете в лесу на ветках висеть. На своих кишочках-то! – Спекулянт злобно и совершенно безумно захохотал, а потом заскулил от резкой боли в раненой руке.

– Ты говори, не стесняйся, – кивал Раскатов.

С каждым словом Мирон увеличивал себе срок. Если в начале за махинации с зернозаготовками он мог отделаться годом принудительных работ, то сейчас стремительно утяжелял наказание антисоветскими высказываниями.

– Что говорить? Имущество забрал! А без имущества мне жизнь не в жизнь! Так что добей меня, большевистская гадина! Добей!!!

И его начала бить дрожь. Припадочный. Ну ничего. Мы и не таких вылечивали...

Глава 8

Зерновой спекулянт ранен был несерьезно, но, кажется, тронулся умом нешуточно. Стоял вопрос о его переводе в областную психиатрическую клинику для экспертизы. Но теперь это уже не мое дело. Было кому им заняться. У меня же своих забот полон рот.

На следующий день после той баталии я все же заглянул к Ветвитскому. При этом сам припозднился, так что застать его на работе задолго после окончания рабочего дня не рассчитывал. Но он был там.

Я заметил, что в шахтоуправлении больше всего бросаются в глаза две категории сотрудников – это алкоголики и трудоголики. То есть те, кто торопит время, чтобы по окончании рабочего дня сразу же вырваться за двери учреждения и заложить за воротник в рюмочной за углом, что, в общем-то, понятно – люди из шахтеров, происхождение обязывает. И трудоголики, которые горят на службе, и им вообще никуда уходить не хочется. Они дают стране угля и этим счастливы. Похоже, Ветвитский относился ко второй категории.

Его кабинет располагался на третьем этаже. По размерам он был таков, что можно ездить на велосипеде или играть в буржуазный большой теннис. Но вычурности, помпезности там не было. По своему аскетичному прагматизму помещение больше походило на какой-нибудь цех или мастерскую. Его центр занимал возвышающийся на подставке искусно выполненный макет угольной шахты. В углу стоял кульман с чертежами и инструментами для черчения. Вдоль стен шли полки с какими-то механизмами, порой угрожающего вида, среди которых я опознал только отбойный молоток. Ну не техник я, признаюсь. Хотя к большим машинам и механизмам отношусь с почтительным трепетом.

Вид и содержание кабинета были легко объяснимы. Ветвитский в шахтоуправлении отвечал за механизацию и развитие производства. Сегодня это направление работы было ключевым.

Встретил меня инженер крайне доброжелательно, как старого доброго знакомого. Мне даже стало неудобно, что за рабочей суетой я подзабыл о нем, да еще чуть не зажалил книжку.

– Очень рад вас видеть, Александр Сергеевич. – Хозяин кабинета пригласил меня присаживаться на металлический, не шибко удобный стул. – Вот, обживаемся!

От былой вальяжности в нем мало что осталось. Сейчас он был не в строгом костюме. Белая рубашка с закатанными рукавами. Испачканные чернилами пальцы. Блеск в глазах. Видно, что человек работает, занят своим делом и рад этому.

Разлив из подогретого на примусе чайника чай по стаканам в подстаканниках, Ветвитский тут же принялся воодушевленно вещать о том, что в таких кабинетах, в цехах куется будущее страны. Человек в образе – понимать надо.

– К счастью, вытурили французов, которые здесь хозяйничали еще недавно под видом совместной деятельности. Государство заканчивает с разграблениями страны под прикрытием иностранных концессий. Опора на свои силы. Новая техника. Новая жизнь угледобывающего района. Новое развитие. И это будем делать мы. Конечно, под защитой родного ОГПУ, – с некоторой иронией добавил он.

Пел он красиво. Что угольная промышленность растет как на дрожжах. Стране требуется все больше угля. И на это кинуты все мощности отечественной промышленности и валютные запасы. Поступают в достаточном количестве так необходимые отрасли врубмашины, отбойные молотки, многократно увеличивающие производительность труда. Используется буровзрывной метод.

Инженер просто дымился от энтузиазма. Я, конечно, люблю увлеченных людей. Но иногда опасаюсь – кажется, что в своем созидательном порыве они меня просто укусят.

В общем, выслушав лекцию о развитии угольной промышленности, я проникся, поблагодарил, а потом извлек из своей командирской сумки книгу «Приключения Шерлока Холмса».

– Возвращаю в целости.

– И как вам? – спросил Ветвитский с интересом.

– Занимательно. Но вряд ли применительно на практике.

– Почему?

– Потому что голову, для того чтобы так щелкать преступления, надо иметь размером с Кремль. А где такую крестьянину да рабочему взять?

– Э, нет, именно крестьянин и рабочий – творец нового мира. Будущий инженер. Вот, почитайте. – Ветвитский вытащил из стола новенькую книгу. На обложке было изображение то ли человека, то ли русалки. «Александр Беляев. Человек-амфибия. Издательство Земля и фабрика».

Я с интересом пролистнул книжку.

– Приобрел по большому знакомству, – сказал Ветвитский – Прекрасный наш советский фантаст.

– Да, я читал в журнале «Вокруг света» его «Властелин мира» и «Последний человек из Атлантиды».

– Отлично! Беляев – это вдохновенный певец прогресса, – воодушевленно произнес Ветвитский. – Сколько нынешних мальчишек, читая эти книги, откроют для себя волшебную страну науки и машин. Сколько пойдут по этой стезе. Возьмите, почитайте.

– Спасибо. – Я взял книгу.

Про себя я знал, что никогда по такой стезе не пойду – иначе разум заточен. Что являлось большим разочарованием для моего отца, который был математиком и тоже певцом прогресса. Но бурные фантазии хороших писателей уважаю и ценю.

– Как вам здесь? – спросил Ветвитский. – Уже прижились?

– Вживаюсь, – произнес я. – Ничего так. Но стреляют.

– Да. Слышал, – погрустнел Ветвитский. – Банды шалют.

– Шалют. Да и сам город специфический. Проблемный и для милиции, и для нас. Провинциальная сонливость сочетается здесь с бузотерством.

– Интересный взгляд, – улыбнулся Ветвитский.

– Ну а что. Просторы большие и глухие. Крестьянство дремучее, много кулаков и подкулачников. Пролетариат тоже непростой. В прошлом году на шахтах стачка была с битием стекол и лиц представителей администрации.

– Да, шахтеры народ сложный. И взрывоопасный, – согласился Ветвитский.

– И всегда считающий себя чем-то обделенным, – усмехнулся я. Мне прекрасно было известно, что большинство стачек и забастовок в стране приходится именно на шахтеров.

– Но вы поймите, – вкрадчиво произнес инженер. – Шахтер каждый день спускается в адские лабиринты шахт. И знает, что жизнь его там висит на тонком волоске. Вот ты полон сил и ожиданий, весь мир тебе мил. И вдруг – обвал, взрыв метана. И защиты от этого нет – как повезет. Постоянный риск притупляет страх, чувство самосохранения. Отсюда и загулы, и драки. И какое-то внутреннее противостояние всему миру, особенно начальству. «А ты с нами в забой ходил?» – только и слышим. Вот такой народ. Действительно взрывоопасный. Но его надо понимать и любить.

– Только нашим врагам очень легко получается играть на их чувствах.

– Именно. Шахтер же еще и наивен. И яростно воспринимает любую несправедливость, пренебрежение. И, к сожалению, покупается на всякие призывы. Шахтерская солидарность – это сила.

– И нельзя давать ее в руки врагу, – дополнил я. – Но это дело не только ОГПУ, а каждого принципиального гражданина. Особенно руководящих кадров.

Вот так мягко перевел я наш праздный разговор в предварительную вербовочную беседу.

– Тут я полностью с вами согласен, – кивнул Ветвитский.

– Сигизмунд Яковлевич, вижу, что вы человек неравнодушный, – продолжал я наступать мягко и вкрадчиво. – И мысли, и цели у нас одни. Могу я надеяться на вашу помощь?

– Всегда. Конечно, если это не будет противоречить моим понятиям о чести и совести.

– Это совершенно очевидно.

– Давайте начистоту, Александр Сергеевич. Конечно, я никогда не стану вашим осведомителем. Но вы правы, у нас общность целей. И одни враги. Расхититель, антисоветчик, вредитель – он и мой враг.

– Надеюсь на это.

– Я же советский человек. Знаете, к старым специалистам отношение ныне настороженное. Даже слово появилось – спеедство, это когда старых специалистов едят поедом. Особенно это болезненно после Шахтинского дела, где в угледобыче свилось осиное гнездо вредителей именно из числа моих коллег.

– Старый, новый, – махнул я рукой. – Лишь бы специалист настоящий был. Преданный народу.

– Это про меня, – заверил Ветвитский. – Для меня нет большей ценности, чем наша страна. И моя работа. И неужели вы думаете, что я буду замалчивать факты, вредящие моему делу? А насчет шахтерского бузотерства... Ну так изживем мы его. Когда рабочий почувствует себя не формальным, а реальным хозяином страны.

Да, такая светлая гармония – это хорошо. Но это дело далекого будущего. А что такое углеградское бузотерство, я почувствовал уже на следующий день на своей шкуре и в полной мере. Но даже предположить не мог, что грядущее событие даст отсчет целой цепочке самых фатальных последствий...

Глава 9

– Вот вам, сучьи дети, колхозы! А это за хлебозаготовки! А это за все ваши советы голоштаные!

С этими прибаутками Артем Белоштаный в своей неизменной кожаной тужурке, которую, поговаривают, снял с лично застреленного им чекиста, азартно лупил нагайкой окровавленные спины двух человек. Жертвы были распластаны в пыли в самом центре села Светлое, прямо перед действующей пятикупольной церковью.

Наблюдавшая за экзекуцией толпа напряженно молчала. Лишь изредка слышались одобрительные восклицания: «Так их, голытьбу беспорточную!» Или возмущенные женские возгласы типа: «Что же творят ироды!»

Ближайший помощник Атамана и трое его отъевшихся и похожих по внешности и повадкам на хряков соучастников ранним утром заявили в Светлое откуда-то из лесов. Притом во всей красе, на конях и с винтовками. И теперь пороли нагайками председателя сельсовета и парторга.

Завершив расправу, бандиты напутствовали селян «гнать уполномоченных по хлебозаготовкам и поднять на вилы Советы». И были таковы.

Спасибо добрым бандитам, что не убили. Если бы прибыл на место сам Атаман, то уж он-то не удержался бы от того, чтобы щедро окропить землю кровушкой. Очень он на нее падок.

Зевая, я читал отчет местного отделения милиции о продланной работе. В принципе, зацепиться там особо не за что. Бандиты вылетели из чащи со свистом и матюгами, в чащу и ушли.

Понятное дело, что навел кто-то из местных. Кто? Да любого кулака и подкулачника бери – не ошибешься. Для них всех Атаман брат и защитник. Они ему наушничают. И на своих недругов его наводят. Помогают с лошадьми, провиантом, укрывают, разведку чинят. Человек пять уже осудили за пособничество, двоих даже шлепнули по приговору суда. Но толку-то?

Дело по банде Атамана находится в моем производстве, как у отвечающего за линию «бандитизм». Но пока моя работа состоит в том, чтобы подшивать в него материалы. Вот как сейчас, я с удовольствием подшил отчет, ощутив, что том стал увесистее. Какая-то иллюзия странная имеется – чем увесистее том, тем значительнее работа. Что совершенно не так. Для нас значительной работой является лишь результат. То есть посаженный в клетку или убитый Атаман и его поделники.

Хоть дело и у меня, но основную работу делает лично Раскатов. Вечно что-то там измышляет, выстраивает оперативные комбинации. И снова предпринимает попытки внедрить в банду своего информатора.

На селе сейчас много недовольных, так что в помощниках и в новых кадрах у Атамана недостатка нет. Раскулаченные и члены их семей уходят к нему. В этом потоке и пытался начальник протолкнуть нашего очередного информатора. Двоих предыдущих убили, один сумел сбежать. Атаман каким-то образом научился вычислять наших людей. И как в таких условиях бросать на минное поле очередного секретного сотрудника, надеясь, что на этот раз получится? Раскатов считал, что надо рисковать, поскольку других способов все равно нет. Полк войск ОГПУ и приданные подразделения РККА обшаривали эти леса. Но это как нашу реку чайной ложкой черпать или запруду там из газетки поставить. Леса огромные, там целая армия растворится без следа.

По моему разумению, сжигать так дальше наш негласный аппарат смысла нет. Атамана надо выманивать из чащ и болот. Нужна какая-то приманка, на которую он бросится, как щука в реке. Но какая приманка? И вообще, что держит Шустова в этих краях? Обычно нигде он так долго не задерживался. Мало у нас информации. Очень мало.

Я принялся писать рапорт по моей встрече с инженером Ветвитским. Мол, установлен доверительный контакт. Рассматривается как перспективный источник информации, освещающей деятельность шахтоуправления. Перо скрипело по бумаге. Я клюнул носом и посадил кляксу – солидную такую, ни одна промокашка не возьмет. Надо переписывать.

Спать хотелось страшно. Ночь провел активно. Не подумайте плохого – всего лишь просидел за столом под желтым абажуром, отбрасывающим неверный свет – электричество в городе давали с перебоями, напряжение постоянно скакало, лампочки перегорали, но к этому все привыкли, и в планах была большая станция на угле. Читал я роман «Человек-амфибия», оказавшийся на редкость увлекательным и срезонировавшим во всем моем существе. Потрясающие картины таинственной морской бездны, завораживающие перспективы исследований мирового океана. При прочтении так и хотелось возопить в пространство: «Ну, сделайте мне жабры!» Но пока что сделал только я сам себе сонливость и вялость. Еще смущает, что после таких книжек обыденность кажется пресной и скучной.

Ладно, черт с ними, с жабрами и Ихтиандром. Полно своих дел. Переписать для начала рапорт...

Раскатов прочитал мой рапорт о встрече с инженером и благожелательно кивнул:

– Дело хорошее. Только ты на него не дави и подписок не требуй. Интеллигенция тут щепетильна. Больше взывай к совести и принципиальности.

– Так и делаю.

– Ну и молодец...

Весь день я крутился как волчок. Была встреча в городском Совете с председателем, какие-то совместные планы, на согласование которых Раскатов послал меня, поскольку сам этой бюрократии не любил и не слишком в ней разбирался. Потом опять были бумаги. Встреча с осведомителем, который не сказал ничего толкового.

Дел всегда было больше, чем я мог выполнить и запомнить. В записной книжке я отмечал не только планы на день, но и примерное время, когда это будет выполнено. Ни разу ничего не удалось сделать вовремя. Графики все время сбивались, а то и летели к чертям.

Вот и сейчас. Оглянуться не успел, а солнце уже за горизонт валится. А у меня на сегодня еще запланирован визит в больницу шахтоуправления, заодно являвшуюся и городской больницей. Это объект моего обслуживания, притом достаточно серьезный. Там может быть что угодно, начиная от подготовки в городе и в самой больнице террористических актов и кончая тайным излечением пострадавших преступников. Ну а еще в таком медучреждении концентрируется весь город, начиная от разнорабочего на шахте и кончая секретарем горкома. И в палатах много о чем болтают. Оставлять без оперативного освещения такой объект никак нельзя, а добросовестно трудившийся там осведомитель переехал месяц назад в областной центр. Будем искать нового. Но для начала нужно познакомиться с руководством.

Я закрыл и опечатал сейф, а потом и сам кабинет. Поправил перед зеркалом в коридоре свою гимнастерку, подзатянул немножко ремень, так что грудь выпятилась. Перекинул через плечо командирскую сумку. Остался доволен своим внешним видом. И отправился знакомиться с медицинским учреждением.

Больница располагалась недалеко и представляла из себя обнесенную глухим забором обширную территорию. На ней устроились два длинных унылых желтых здания, несколько хозяйственных построек, сквер с елками и лавочками. Ворота никто не стерег, проход был свободный, чем я и воспользовался.

Прошел к ближайшему корпусу, толкнул дверь, но она оказалась заперта. Чертыхнувшись, отправился искать главный вход. Тут и услышал шум и скандал. Меня повлекло туда, как бабочку на свет. И, понятное дело, наткнулся на приключение, к которым у меня непреодолимое притяжение, как у металлической стружки к электромагниту.

Между главным корпусом и длинным дощатым сараем, перед которым стоял истлевший кузов древней автомашины с еще видневшимся на металле красным крестом, разворачивалось мерзопакостное действо. Трое перепившихся молодчиков вели себя с дамой неподобающим образом. Точнее, просто как свиньи.

Заправилой был высокий, статный парень, кудрявый, гладко выбритый, в косоворотке, шароварах, блестящих сапогах. Ну прямо разбиватель девичьих сердец. Очередное сердце он, похоже, решил разбить не своими кудрями и греческим профилем, а грубой физической силой, которой у него переизбыток. Пьяно покачиваясь, сграбастав тонкую кисть руки хрупкой девушки своей лапищей, щедро одаряя ее ароматом своего перегара, он что-то полупшепотом внушал ей.

Девушка в белом халате, судя по возрасту, медсестра, ну уж никак не врач, перестала призывать к сознательности и разуму и теперь молча и зло вырывалась. Ну прям Маяковский – пьеса «Барышня и хулиган».

Кудрявый резко повысил тональность, сорвавшись на крик, но девушку не отпускал:

– Ну ты чего ломаешься? Ты чего, королева, да? А я для тебя кто? Грязь под ногами? На меня смотри и глазенки не прячь! Я ж для тебя душу рву! А ты... А я!..

В общем, бред отвергнутого павиана. Банальности утомляют. Так что назрел драматический момент выхода на публику доблестного рыцаря Айвенго.

– Э, богатыри, не пора ли на боковую? – спросил я. – Перебрали сегодня.

– Ты кто? – Кудрявый обернулся, отпустил девушку и теперь разглядывал меня – в гимнастерке без знаков отличия, галифе и сапогах. Сейчас многие так ходят, не имея никакого отношения к армии.

– Я-то? – спокойно произнес я. – Сотрудник ОГПУ. Так что требую прекратить нарушение общественного порядка и разойтись.

Двое квадратных и звероватых хулиганов, по виду – только что из забоя, с характерными движениями и осанкой, как-то сразу мне поверили, потерялись и сникли. А кудрявый, который от любовного томления совсем обезумел, как с цепи сорвался. Посмотрел на меня налившимися кровью одичалыми глазами.

Я думал, он начнет базарить, чтобы не уронить лицо, а потом все же благоразумно растворится в вечерних сумерках. Но он заревел бизоном:

– Ну так край тебе, ГПУ!

И бросился в атаку. Приятели пытались удержать его, схватили за руки. Но это как пароход удержать верёвочкой. Разбросал он их, как кегли, и вот уже передо мной. Распахнул рючичи – мол, задавлю! В общем, открыт объятиям и ударам. Тут же и огреб.

После первого моего удара в ямочку на подбородке, которого обычно хватает, чтобы успокоить надолго и надежно, противник очухался на удивление быстро. Посидев пяток секунд на земле, так и не проникшись торжественностью текущего момента, именуемого «обуздание возбужденного павиана», он попытался встать. Тут уж я стесняться перестал.

За поясом я всегда таскал «наган», который фиксировался специальными ремешками, так чтобы не обронить и чтобы выхватить его легко. А выхватывать я оружие умел не хуже американских пастухов, про которых в освобожденной нашей дивизией Киеве смотрел в синематографе фильм. Рукояткой револьвера я приглубил кудрявого по черепушке с биллиардным треском. Не сильно, чтобы не убить дурака. Но чтобы образумить.

– За компанию сплясать хотите? – повернулся я к приятелям поверженного.

Те отчаянно замотали головами, мол, и в мыслях не было, при этом отступая и думая лишь об одном – как бы быстрее смыться. Воевать с властями в их планы определенно не входило.

Между тем кудрявый замычал, заболтал головой и начал снова приподниматься. Крепкая у него голова, однако. Только вот на этой голове густо, а внутри пусто.

– Нет у тебя прав пролетариат револьвером бить! – загундосил он, опершись о стену спиной и стоя на полусогнутых.

– Ты пролетариат? – удивился я. – Ты пьянь и хулиган. И еще... Что ты там про ГПУ пел? Смотри, барашек, по краю ходишь.

Он что-то хрюкал, не в силах вернуть фокус в глазах.

– А теперь пошли вон отсюда! – гаркнул я командирским голосом – это я умею. В таких случаях голосина у меня такой, что коровы доиться перестают, а быки – начинают.

Вся компашка аж подпрыгнула на месте. Потом друзья взяли под руки пострадавшего бузотера и поволокли прочь. Вразвалочку бежали, как медведи, косолапо. Опасливо оглядываясь – боялись, что я им в спину стрелять начну?

Троица была уже у ворот, как откуда-то из-за сараев выскочил невысокий мужчина с дрыном больше его самого. Он прорычал что-то нечленораздельное. И был налит такой яростью, что троица неприлично убыстрила свой ход. Незнакомец хотел было устремиться за ними, но тут девушка шагнула к нему и положила руку на плечо:

– Гордей, не волнуйся. Они меня не обидели.

Я присмотрелся к неожиданному защитнику. Попытался припомнить, где я его видел... Ну конечно! Этот тот самый юродивый, который чуть не сбил меня ящиком на платформе, когда я чинно сходил с поезда.

– Я их... – закивал Гордей. – Скажи им, пусть не приходят. Скажи, что убью...

– Ну что ж ты такое говоришь. Не надо никого убивать.

– З-за вас убью...

Он не отбросил, а аккуратно поставил дрын у ворот, видимо, рассчитывая, что еще пригодится. И исчез так же скоро, как появился.

– Ох, слава богу, никого не зашибли, – произнесла девушка. – Это Прокопов Гордей. Он немного не в себе. А сила у него медвежья. Действительно поубивал бы.

– Чего так?

– Считает, что бог ему поручил меня охранять... Но это история давняя. А вам спасибо.

Я расправил плечи. Сюжету этому тысяча лет. Рыцарь, вырывающий принцессу из лап дракона. Богатырь, освобождающий спящую царевну. Теперь огэпэушник, отбивающий медсестру от пьяни.

– Пойдемте, я вас хоть чаем напою, – предложила медсестра.

– О чем мечтаю весь вечер. – Я улыбнулся улыбкой, которую почему-то считают глуповатой, а мне она казалось неотразимой.

Мы направились в больничное здание с черного входа и очутились в небольшой сестринской комнате, заставленной кушеткой, столиком с настольной лампой, стеклянными шкафами с лекарствами и инструментами.

Девушка откинула челку. И я смог рассмотреть прекрасную даму, за которую только что бился. Она посмотрела на меня... Как пишут в чувствительных романах – я утонул в синих озерах ее прекрасных очей. Все правда. Была и синева. И прекрасные очи. И какой-то прям электрический удар. И еще ощущение, что я теперь не свободная птица, а добыча охотницы, сбившей меня удачным выстрелом прекрасных глаз.

Потом девушка произнесла озабоченно:

– У Хватова кровь. Надо бы оказать помощь, осмотреть.

– Тому мерзавцу? – Я был немного обескуражен подобным смирением и человеколюбием.

– Он же тоже человек. И ему больно. И он имеет право на милосердное отношение.

Мне сперва показалось, она лукавит, выставляет себя в таком свете – мол, сестра милосердия, ничего не надо, кроме как помогать страждущим. Но я видел, что и беспокоилась, и говорила она вполне серьезно. Как-то мало встречалось мне людей, для которых милосердие

не пустой звук. Я явно из другой породы, признаю лишь одно милосердие – пуля в лоб, чтоб не мучился. Да, похоже, мы два разноименных заряда. Поэтому неудивительно, что меня так потянуло к ней.

– Не подскажите, главврач сейчас на месте? – спросил я, глядя, как изящно разливает девушка чай из помятого медного чайника.

– Будет только послезавтра.

– Жаль. Хотелось увидеться... Ну а вас проводить до дома во избежание дальнейшей конфронтации? – с улыбкой спросил я.

– Я дежурю ночью... А они сегодня больше не придут. Просто бельма залили, и море по колено. Завтра с поклоном в ноги упадут... Не понимаю, если девушка одна, так приставать надо, – горько вздохнула медсестра.

– Ну если что, зовите ОГПУ. Александром Сергеевичем меня кличут. Но не спутайте, не Пушкин и даже не Лермонтов.

– Варя, – отозвалась девушка и как-то холодно дополнила: – Хотя вряд ли буду нуждаться в помощи ОГПУ.

Судя по тону, она опомнилась и надела привычную защитную маску отстраненности, при этом намекала, что продолжение знакомства мне не светит. Но я наверняка знал, что продолжение непременно будет. Не может не быть.

Когда я возвращался домой, настроение у меня было приподнятое, казалось, что я сейчас в небо взмою. Много ли для счастья надо? Добрая потасовка с местными, без которой трудно по-настоящему вжиться в новый город. А в награду увидеть строгие девичьи глаза, в которые хочется провалиться без оглядки...

Глава 10

Утренние совещания в отделе проводились пару раз в неделю или чаще, по необходимости. На них обычно предводительствовал сам начальник, и это было хорошо, поскольку он не любил толочь воду в ступе. Донеся необходимую информацию, виртуозно обругав проштрафившихся и кинув скупую похвалу отличившимся, он тут же разгонял личный состав на оперативный простор, считая, что уполномоченного, как и волка, ноги кормят.

Его заместитель Первак, безупречный и труднодоступный для простого человеческого общения, наоборот, обожал лить слова, давать пространные указания, за что-то распекать и что-то требовать, правда, не всегда было понятно, за что именно и что конкретно надо. При нем эти посиделки растягивались на час, а то и более. Тогда наша секретчица Ефросинья Голубкина, типичная такая активистка-комсомолка, сухощавая, с вечной на губе папиросой, которую никогда не зажигала, в красной косынке, напористая, страшно деловая и грубая, демонстративно закатывала глаза и отпускала шуточки на грани приличий в отношении забюрократизировавшегося руководства.

На наших сборищах через раз появлялись оперативники Глеб Пупырышкин и Порфирий Карамышкин. Двое из ларца, одинаковы с лица. Ребята жизнерадостные, полные оптимизма, румяные, здоровые, невежественные. В общем, прямые и вместе с тем тяжелые, как рельсы. Идеальные сотрудники заштатного отдела ОГПУ. Отвечали они за секретно-политическую линию и в основном изучали настроения в сельской местности, где и пропадали большую часть времени.

Еще у нас работала невзрачная и тихая машинистка. Печатала документы и разносила несекретную корреспонденцию. Но на совещания ее не пускали.

В округе было три сельских района, в каждом затаилось по уполномоченному, которые в Углеградске почти не появлялись. Места отдаленные, малоразвитые, оттуда не доберешься, дорог нормальных нет, народ дремучий и взвинченный, так что работы там хватало.

В этот день совещание вел Раскатов. Мы обсуждали новую директиву ОГПУ по заготовкам зерна и борьбе с антисоветским элементом на селе. Начальник разошелся, сыпал непечатными выражениями, долбил ладонью и кулаком по столу. Несчастный расшатанный стол был весь во вмятинах – его хозяин завел привычку срывать на нем свои нервы. А длань у начальника была увесистая, столу приходилось туго.

– Кулак, мироед, спекулянт и зажавшийся советский бюрократ – наши главные враги, – хрясь ладонью по столу. – Они тянут нашу страну к голоду!

И это была сущая правда. Страна только пришла в себя после Гражданской войны. НЭП позволил протянуть какое-то время, но уже уходил в прошлое. СССР стоял перед большими свершениями, от которых зависело все его существование. Необходима как воздух новая промышленность. Сейчас в РККА меньше ста танков и трехсот тягачей на весь Союз, практически нет авиации. А если завтра война? Хронически не хватает тракторов, автомобилей. Пора концентрировать все силы и перестраивать всю экономическую базу. И вся мелкая буржуазия, все кулачество и мироеды, почуяв, что дело для них кислое, пустились во все тяжкие.

– Проблемы с заготовкой зерна для нас вопрос выживания! В городах очереди за хлебом. В тяжелейшем положении деревенская беднота, которой не хватает зерна до нового урожая!

Опять удар по столу – на этот раз кулаком.

– И вся сволочь именно сейчас подняла голову! Вот, – открыл он папку, где были выписки из агентурных сообщений. – Село Литовское. Слова заправского подкулачника: «Хлеб не нужно продавать и нужно всех гнать от себя. Кто будет продавать, тому стоит дать дубинки, а членов сельсовета, разъясняющих населению значение хлебазаготовок, побить».

Раскатов вытащил другой листок.

– Зажиточный крестьянин хутора Тимофеево агитирует: «Советская власть берет хлеб и деньги у крестьян потому, что чувствует себя плохо. Я хорошо знаю, что весной будет война, и если таковая только начнется, то я первым возьму винтовку в руки и пойду против Советов». Войной народ пугают. И предлагают сразу сдаться, а то и перейти к врагу.

Бах – на этот раз мне показалось, что от удара стол развалится.

– Шкуры какие! Это вызов нам! И это угроза срыва индустриализации и социалистического строительства в стране! Пресекать самым жестким образом! Агитаторов, укрывателей зерна, спекулянтов – по всей строгости! Понятно?

Он посмотрел на наших «сельских» оперативников. Те кивнули синхронно. И по моему разумению – это было вполне правильно. Без строгостей тут никак. Распоясались нэпманы с кулачем, дальше некуда.

– Сашок, тебя тоже касается, – посмотрел на меня начальник. – На тебе город. Экономическая разведка. Ты должен знать все о крупных перекупщиках зерна.

– Будет исполнено! – жизнерадостно отозвался я, демонстрируя предельное служебное рвение. – Вербанем в экстренном порядке.

– А, – Раскатов только махнул рукой, – где там твой порядок. Мы сами с усами. Человечка тебе передам, все расклады выложит по рынку зерна. От сердца отрываю.

В тот же день на явочном помещении, представляющем из себя частную коммерческую конторку на окраине города, состоялась встреча с Султаном.

Осведомитель Султан был смугл, толст, щекаст, лыс, с великолепным крючковатым носом и нарочито хитрыми глазами. Типичный восточный бай по виду. Дорогой летний белый пиджак был ему немножко мал, единственная застёгнутая пуговица так вдавливалась в живот, что казалось, сорвется и ударит пулей. И он все время улыбался, всплескивал руками. Звали его Даниэль Ашурович Бен-Йоханын, был он ассириец по национальности и торгош по призыванию, держал лавку в самом центре города, как раз напротив трактира «Устрицы». Отоваривались у него все уважающие себя и уважаемые другими денежные горожане – и советские чиновники, и инженеры, и нэпманы. Потому что достать он мог абсолютно все и даже больше.

– Прошу любить и жаловать, – сказал Раскатов, тыча в меня пальцем. – Боец молодой, но ухватистый.

– Ох, юный, красивый, – всплеснул руками нэпман так радостно, будто в самый первый раз встретив дальнего родственника, коего всю жизнь мечтал увидеть. – И видно, что неженат. Хочешь, жену тебе найду? Есть на примете – тоже совсем юная восточная красавица. Наша, ассирийка. Лучше ассириек жен нет и быть не может! Верная, заботливая.

Я немножко ошалел от такого напора. Думал, суровый начальник взорвется и поставит много позволяющего себе осведомителя на место, но тот едва сдерживал улыбку, готовую перейти в едкий смех и гомерический хохот.

– В общем, теперь тебе с ним работать, купец ты наш, – хлопнул ладонью по столу, будто ставя печать, Раскатов. Как он за сегодня руку себе не отбил? Вот что значит ежедневная сноровка.

– Буду любить как сына, – заулыбался осведомитель.

– Главное, не забывай информацией делиться, – сурово посмотрел на него начальник. – Утаивать ничего не надо, Даниэль Ашурович. Боком ведь выйдет.

– Да уж знаю я ваши манеры, – заворчал обиженно осведомитель. – Все норвите старыми грехами укорить.

– Еще такой грех будет, то так тебя укорю, нэпманская душонка, что век помнить будешь.

Погрустневший торговец покивал. Это были их старые дела. Но стало понятно, что с осведомителем надо держать ухо востро. Если он нашего чугунно-стального начальника хотел вокруг пальца обвести, то я для него просто букашка неразумная и неопасная. Ничего, разберемся по ходу пьесы.

– Давай к делу, – строго проговорил Раскатов. – Нам не о женитьбах и разводах, а о врагах советской власти думать надо.

– А я думаю, – затараторил осведомитель. – Спать ночью не могу, все думаю.

– И чего надумал по зерну?

– Ой, Акимов, Моршанский. Ну знаешь же их, Максимилиан Данилович. Шайтаны такие жадные. Жадность из любого человека шайтана делает. В прошлом году они на закупках столько заработали, что сейчас решили две-три цены против госзакупок крестьянину выставить. Так что опять страна без хлеба останется.

– И не боятся нас? – прищурился начальник.

– Боятся, как же вас не бояться. Но жадность сильнее.

Осведомитель из старенького, потёртого, много раз зашитого портфеля аккуратно извлек мелко исписанный тетрадный лист и начал с выражением зачитывать драматическое повествование по зерну. Там было о том, кто скупает. Кто будет скупать. Кто наверняка спекулянт и подлая морда. Информация была интересная, но сыроватая. Кто будет участвовать, когда, где будет храниться и как переправляться зерно, с кем в сговор вступят – на эти вопросы осведомитель пообещал добыть ответы как только, так сразу.

– Ты kota за хвост не тяни, уже на этой неделе ждем раскладку с подсчетами, – напутствовал начальник. – Теперь пиши.

– Дела идут, контора пишет. А касса деньги выдает. – Усевшись за стол и прикусив смешно кончик языка, ассириец принялся излагать свои наблюдения в сообщении.

По окончании сего процесса Раскатов, тут же на месте поставив резолюцию, сложил листок вчетверо и протянул мне:

– Это тебе для рабочего дела осведомителя. Считай, первая твоя информация от Султана.

Для оперативного сотрудника действие это волнительное. Потому как он силен своим негласным аппаратом, который забирается во все самые темные уголки общества и освещает их фонариком любопытства. Новый осведомитель – это более широкие возможности. Это как новое, гораздо более эффективное оружие получить.

Судя по всему, оружие я и правда получил острое. С ценной оперативной информацией теперь перебоев не будет. Главное, как ее реализовывать. А это дело тоже сноровки требует. Но ничего. Дрожите, нэпманы, доблестный уполномоченный ОГПУ вместе с оруженосцем Султаном идет на вас войной. Я вам не Дон Кихот. С ветряными мельницами не воюю. Я потрошу своим копьём спекулянтов и прочий гнусный сброд.

А потом эйфорическое настроение стало растворяться как сахар в чае. Стал глодать червячок. Все слишком плотно переплелось – саботаж, срыв хлебных поставок. Буянящий в лесах атаман Шустов. У меня была уверенность, что мы еще зальемся кровью. Притом в самое ближайшее время. Такой узел скрутился, как раз для виселицы.

– Что пригорюнился? – спросил начальник, когда мы шли по улице в отдел.

– Готовлюсь к битвам и походам, – отрапортовал я.

– Какой же ты все же воробей легкомысленный, – беззлобно сказал Раскатов.

– Я не легкомысленный. Просто говорливый.

– Тогда попугай.

– А вот это обидно...

Глава 11

В кабинете я еще раз перечитал оперативное сообщение, только что полученное мной, и стал прикидывать дальнейшие агентурные мероприятия. Все упиралось в то, на каких складах спекулянты прячут зерно. Это главное – найти его и изъять. И не дать поджечь.

Еще недавно в городах России свободно можно было купить и маслица, и хлеба в достатке, и конфет с пряниками. Дороговато, не для всех, но было все. Сейчас или шаром покати, или цены взлетели до неба. И хлеб начал исчезать. Враги кричали, что это следствие коллективизации, раскулачивания. В какой-то мере так и было. Это результат ломки векового уклада. Это как операцию делать. И больно. И опасно. И лечиться потом долго. Но без нее просто умрешь, хотя и легко, под обезболивающими лекарствами. НЭП – это и есть такое обезболивающее для больного государственного организма. Вот только во что встанет нам отказ от него и хирургическое излечение?

Только я погрузился в бумаги, которых оказалось сегодня особенно много, как затренькал внутренний военный телефон, и с поста сообщили, что меня желает видеть какой-то настырный гражданин. Нет, фамилии и имени моих он не назвал, но внешность описал очень точно.

Я спустился с крыльца и увидел рослого бугая, топчущегося перед отделом. Узнал его, и в груди заныло. Ну только этой пьяни не хватало сейчас. Это был тот самый идиот, который приставал к медсестричке в больнице.

Увидев меня, он пошел на сближение, и я смог рассмотреть его во всех подробностях при свете дня. Ну что ж, высок, плечист, смугл, по виду лет двадцать пять, в вышитой рубахе и лихо заломленном картузе. И настолько хорош он был своей какой-то нахальной цыганской привлекательностью, что мне тут же захотелось еще раз засветить ему кулаком в подбородок.

– Чего надо? – недружелюбно спросил я, напрягаясь, готовый к любому развитию событий.

Что его сюда принесло, спрашивается? Жаловаться пришел на меня или дальше конфликт продолжать? Конечно, вытаскивать с рабочего места уполномоченного ОГПУ, чтобы учинить ему разбирательство с мордобоем, пальбой или ножевыми ранениями – это слишком. С другой стороны, по практике своей я убедился, что предела человеческой глупости, наглости и самоуверенности просто не существует. Что у таких баранов в голове – предсказать трудно.

И представление не замедлило начаться. Хулиганствующий субъект, подойдя ко мне, вдруг вздохнул поглубже да рухнул на колени.

– Не губи! Пьяный был! – заголосил он.

– Ты чего творишь? – изумился я. Поборол в себе порыв тут же кинуться к нему и поднять его на ноги. Так можно и финку в живот получить – черт знает, что он задумал.

– Не погуби, начальник! Не погуби!

Я с ужасом подумал, что он сейчас начнет биться лбом о брусчатку, как в церкви, и гаркнул:

– А ну встать!

Да, сейчас не те времена, чтобы на коленях ползать. Теперь даже к стенке стоя ставят.

– Пьяный был, – поднявшись, отряхнувшись и потупив взор, голосил парень. Глаза он упорно прятал в пол. – А пьяному его язык не принадлежит. Сам болтается. А так и советскую власть, и ОГПУ я люблю. Они трудовому человеку как родные.

Так вот оно какое, признание народное. Похоже, меня в городе уже боятся.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Хватовы мы. Артем Александрович. С кооперации. Тоже, можно сказать, власти нашей служу.

– Ладно, живи. Авансом. По средам я людей не расстреливаю, – сказал я, гордо выпятив грудь, ощущая себя сейчас величественным. – Будешь еще советскую власть костерить, или медсестра на тебя пожалуется – ну тогда не взыщи. Все припомню.

– Я понял. Не повторяю.

А у меня вдруг возникло неприятное ощущение. И чего я, как павлин, хвост распушил? Вроде и порядок навел, и сатисфакцию получил. А все равно честнее – просто зарядить помужски в ухо. Тут же получается – я еще и власть свою использую. Впрочем, никуда теперь от этого не деться. Власть у меня есть, и она всегда со мной. Надо просто не кичиться ей. И не наслаждаться. И не злоупотреблять. Хотя нам еще преподаватель на курсах говорил – эта самая власть такая зараза, с ней справиться в душе тяжело. Оглянуться не успеешь, а ты уже и не коммунист, а такой сатрап мелкого розлива, и сам не замечаешь этого.

Я махнул рукой. Мол, ступай.

Хватов поднял глаза. Быстро так взглянул. Мимолетно, все еще угодливо улыбаясь. Но глаза... Видел я такие глаза. Они обычно бывают у людей, которые твердо решили тебя убить...

Глава 12

Я наконец добрался до главврача больницы Ивана Афанасьевича Крутицына. Тот оказался милейшим человеком, с мягкими интеллигентными манерами, сухощавый, уже в возрасте, с бородкой клинышком и добрыми глазами. Типичный земский врач, чем-то похожий на Чехова. Принял он меня без предубеждения, которое нередко встречается, особенно у людей старого разлива, по отношению к представителям наших органов. Ну это у таких людей профессиональное – видеть в каждом в первую очередь пациента, а уже потом большого начальника или маленького крестьянина-единоличника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.